

Заручившись поддержкой самого гуру, команда начала глубокое погружение в динамичную цифровую версию рушащегося Нижнего Манхэттена. Суровый реализм и большой холст, который нам был нужен для сюжета, заставляли Snowdrop работать на пределе возможностей, но даже самые скептически настроенные инженеры признавали, что он великолепно справлялся. Все начало вставать на свои места: механика укрытия, с которой мы играли с самого начала, мародерство (и что более важно: сюжетно обоснованная причина для мародерства), богатый разброс оружия и различных его модификаций, группы игроков, подключенные через общие многопользовательские области, псевдоклассы из жанра ролевой игры и, наконец, история героя, который на самом деле не хотел бы никого убивать, если бы у него был выбор. *Никаких солдат.* Наконец все сложилось.

Команда с новым энтузиазмом взялась за сценарий, и мы все принялись читать о выживании в городе и хрупкости общества. Нас очень заинтересовали препперы — люди, которые тратят огромную часть своей жизни, готовясь к грядущей гибели. Некоторые из разработчиков в команде настолько прониклись философией препперов, изучив тему потенциального коллапса, что заразились их паранойей и сами стали препперами. Они принялись скупать консервы, таблетки для очистки воды и всевозможные хитроумные гаджеты, которые позволяют человеку выжить после катастрофы. Я тоже подумывал о том, чтобы подготовиться к апокалипсису, и с самого начала исследовательской фазы *The Division* был убежден, что любой здравомыслящий человек должен быть готов по крайней мере к семидесяти двум часам выживания в одиночестве. Правда, в реальности я так и не собрался купить все необходимое. А надо бы.

Меня также заинтриговала психология человека в стрессовых ситуациях, и я с напряженным интересом следил за реальными катастрофами и обществами, находящимися на грани краха. Мне казалось, что необходимость более глубокого изучения сценариев катастроф очевидна, и я предложил основной команде записаться на какой-нибудь тренинг по выживанию, чтобы лучше понять, как все это влияет на психику,

и, возможно, тем самым сделать игру более реалистичной и яркой. К моему удивлению, никто, кроме меня, не проникся этой идеей и команда отмахнулась от предложения. Однако несколько недель спустя любопытный, как ребенок, Сесе неожиданно сказал мне, что прошел бы такой тренинг при условии, что мы сделаем это вместе.

Порывшись в интернете, мы нашли старого шведского десантника, который проводил недельный курс для всех, кому хватало глупости на это согласиться. Я попытался представить, каково это — вести такой бизнес, но, прочитав описание курса, я понял: единственное, что ему нужно, это лес и плохая погода. Плюс несколько доверчивых горожан, готовых испытать все на своей шкуре. Мы с Сесе подходили идеально.

Перед отъездом из Мальмё мы получили список всего, что должны были взять с собой. Конечно же, ничего из этого у меня не оказалось, и я отправился за покупками. Легкий рюкзак, ботинки, прочная водонепроницаемая куртка, походные брюки со множеством карманов, носки из быстросохнущего материала, огниво, небольшие сухие палочки и таблетки для очистки воды. Упаковав все это в свою новую сумку, я подумал, что весь этот тренинг проще пареной репы. Все равно что в парке погулять. В рюкзак я сунул большую плитку шоколада «Марабу», представив себе, как буду есть ее на вершине горы у красивого костра, отбрасывающего желто-оранжевые блики на мое счастливое лицо. Разве что-то могло пойти не так?

В прекрасном настроении мы с Сесе проехали несколько часов на машине, забравшись в самую глубь глухого шведского леса. Выйдя из машины и с удовольствием размяв ноги, мы подошли к заброшенному сараю, который служил десантнику офисом. Светило солнце, и, чтобы сделать этот момент идеальным, не хватало лишь чашки кофе.

Мы с Сесе мысленно закатили глаза и обменялись многозначительными взглядами, когда десантник вышел нам на встречу. На вид ему было лет сто сорок. Лицо его избороздили глубокие морщины, и горбился он так, что казалось — даже дышать ему должно быть сложно. Сразу после приветствий он сказал нам, что несколько недель назад у него случился

инсульт, но это «не будет проблемой». Мы нервно засмеялись. По сравнению с ним мы с Сесе были молоды, в хорошей физической форме (вроде как) и великолепно подготовлены. Как он вообще планировал за нами угнаться?

Мы уселись на простые деревянные стулья в сарае, и десантник запустил свой навесной проектор. *Навесной проектор!* Нам стало еще веселее, когда он попытался разобраться, где верх, а где низ на его прозрачных слайдах. Это было уморительно, но вскоре мы заскучали от длинной и подробной лекции. Мои мысли начали плавать.

Сарай выглядел как на чернобыльской фотографии, а на гравийной дороге снаружи не было слышно никого движения. Я подумал, что темнеет здесь, наверное, рано, потому что высокие деревья закрывают большую часть горизонта. Нам преподали подробный урок о ножах, который мы тут же забыли. Мы слышали что-то о грибах, но запутались, какие из них можно есть, а какие — нет. Мы попросили было кофе, но в ответ нам довольно грубо велели сидеть тихо. За минуту до этого было сказано, что ключом к выживанию является *умение принять ситуацию*, так что мы послушно заткнулись.

— Вы должны принять все происходящее как данность, — говорил десантник. — Если сопротивляться реальности, будет только хуже. Вы привезли все, что я просил? Все из списка, который я прислал?

— Да! — воскликнул я слишком громко и нетерпеливо и тут же сам это понял.

Но я был так доволен своими сборами и ужасно хотел, чтобы он посмотрел на мои покупки и восхитился моим умением правильно выбрать нужное в магазине. Где-то в середине своей лекции он небрежно обронил, что десять лет своей жизни провел вне цивилизации. Это произвело на меня огромное впечатление, и я жаждал получить его признание.

Тут десантник неожиданно проворно вскочил со стула и сказал:

— Сумки можете оставить вон в том углу. Их вы с собой не возьмете.

— Что?! — вскричали мы с Сесе, не веря своим ушам.

— Что я вам только что сказал? — продолжал наш новый тиран. — Примите изменение обстоятельств как факт. Если сопротивляться реальности, будет только хуже. Так что просто оставьте свои сумки, нам пора идти.

Прежде чем кто-то из нас успел возразить, он добавил:

— К счастью для вас обоих, вы в правильных ботинках, а не в тех кроссовках, что я видел в вашей машине. Иначе это был бы ад. Ад. Для вас обоих. Ну что, выходим!

Несколько часов спустя мы вымокли до нитки под проливным дождем, проголодались и заблудились. Старый десантник был раздражающе бодр, бегал вокруг нас как полный сил поджарый леопард, скакал по камням и стволам упавших деревьев, пытаясь заставить нас увидеть враждебный лес таким, каким видел его он: бесконечный, самовосстанавливающийся ресурс, где можно с легкостью жить хоть целую вечность. Должно быть, мы были никудышными учениками, потому что все, о чем мы могли думать, — это какой же он мудака. Мы маршировали часами, чтобы «симулировать изнеможение». С каждой минутой мы с Сесе становились все ворчливее, но все же с нетерпением предвкушали момент, когда разобьем лагерь, где нам предстояло провести первую ночь. Мы предполагали, что десантник готовит нам какой-то сюрприз на ужин — у нас не было маковой росинки во рту с тех пор, как мы заехали перекусить в придорожное кафе по дороге. Не собирался же он морить нас голодом? Мы думали, что нас ждет симпатичный лагерь с уютным костром и развлечениями в виде военных историй от старого профи. И стейк.

Старик внезапно остановился. Он все еще выглядел так, как будто был готов к победному выступлению в олимпийском триатлоне.

— Ну вот, думаю, это место ничем не хуже любого другого, — сказал он. Мы подозрительно осмотрелись.

— Вот и хорошо, — продолжал он. — Можете разбить здесь лагерь.

— Ага, круто. Но как? Какой лагерь? Как нам не промокнуть? И где костер? — спросили мы. — Еда у вас есть?

— Решайте как хотите, дело ваше. А я пошел. Счастливо! — И, к нашему изумлению, он просто ушел в темноту чащи, оставив нас одних.

— Вот засранец, — сказал Сесе и вытащил припрятанное в кармане огниво. — Давай разведем костер.

Понятия не имея, что нужно делать, мы попытались построить шалаш из лежавших на земле веток. Затем безуспешно попытались разжечь огонь. Беспольные палки вообще ни от чего не защищали, и все, что мы пытались поджечь, было мокрым насквозь. Мы сели на камни, проклятая старого убудка. Ни один из нас толком не спал в ту ночь, а на следующее утро, когда явился сухой и довольный как кот десантник, мы были готовы разразиться слезами и уехать домой.

— Ну что, — сказал он, — пошли дальше!

И мы отправились дальше, все глубже и глубже в лес, уже понимая, что этот дождь никогда не закончится.

Еще два дня мы шли вперед и голодали, голодали и шли, затерявшись в этом безнадежном цикле. Понемногу старик стал давать нам советы, как лучше построить шалаш, как сберечь огонь, как справиться с постоянным голодом, как поддерживать настроение, как ориентироваться в густом лесу, как избавиться от комаров и как обрабатывать ссадины, когда мы ободрались об очередные ветки на неприветливой местности.

Мы соорудили самодельные рюкзаки из материала, который представлял лес, и хранили в них наши новые ценности: огниво, немного подсохшей травы, чтобы развести огонь, пустую банку из-под пива, наполненную белым мхом, чтобы фильтровать воду, гвоздь, которым можно было что-то прокалывать, ржавую жестянку, которую мы нашли и в которой кипятили отвратительный чай, тонкую нейлоновую нить, которой можно было бы ловить рыбу. *Огонь* и *вода* были главной ценностью. Удивительно, как быстро наша жизнь свелась к базовым вещам. Важным было собрать материал для растопки. Важным было высушить мокрые бревна. Самым простым способом следить за временем на ночном дежурстве оказался подсчет горящих поленьев. Важным стало

умение равномерно распределить их в кострище. Мы постоянно были заняты мыслями о том, как разжечь и сохранить огонь.

Едва не замерзнув до смерти в первые пару ночей, я был особенно рад уроку десантника о том, как согреться ночью. Все было просто: «Выкопайте небольшую траншею под ветками, на которых вы спите. Вытащите из костра пару горячих камней. Положите их в траншею и спите себе, как на горячей печи. Камни можете обновлять, когда сменяете друг друга на дежурстве». С тех пор согреться для нас стало проще простого.

Через некоторое время мозг и тело приспособились к этой новой реальности, и моим единственным интересом в жизни стало оставаться в тепле и безопасности и заботиться о том, чтобы Сесе тоже был в тепле и безопасности. И пока я следил за тем, чтобы ночью не погас костер, его храп звучал музыкой для моих ушей. «*Какой умиротворяющий звук*», — думал я. — «*У него все хорошо*». Я не мог себе представить ничего более важного. Постоянный голод сводил нас с ума, но, что удивительно, это имело гораздо меньшее значение, чем я ожидал. Часто старый десантник бросал нас без предупреждения, и мы никогда не знали, когда он собирается вернуться и где находится. Мы предполагали, что он отошел убить медведя голыми руками и в одиночестве насладиться отличным стейком. Так или иначе, он все время был полон энергии и оставался в хорошем расположении духа, тогда как мы с Сесе были вечно грязными и разбитыми, потеряли счет времени и еле плелись, как зомби.

Однажды мы должны были научиться ловить рыбу в озере, но с треском провалились. И все же перед тем, как мы разбили лагерь той ночью, старик подарил нам свежую рыбу, которую он, должно быть, поймал сам, пока мы не видели. Мы почистили ее шестидюймовым гвоздем и приготовили на горячем камне без специй, но на вкус она нам показалась такой, как будто мы ели в ресторане с тремя звездами Мишлен. Мы жались друг к другу под дождем и чуть не плакали от радости и облегчения.

Казалось, прошло несколько месяцев, когда десантник вдруг велел нам остановиться и подать дымовой сигнал, чтобы воображаемый спасательный вертолет мог нас найти. Мы сделали все, что было велено,

разожгли огонь, как нас учили, и откуда ни возьмись вдруг появились друзья десантника на полноприводном джипе.

— А вот и ваш «вертолет». Поздравляю! — сказал он.

То есть все это время, пока мы кружили по лесу, чувствуя себя потерянными и полностью оторванными от цивилизации, мы были всего лишь в нескольких шагах от дороги? *Вот ублюдки!*

Десантник и его друзья отвезли нас в маленькую хижину с уютным камином и принялись варить кофе и жарить оладьи. А я тем временем принял ГОРЯЧИЙ душ с ЧИСТОЙ водой — *кто мог мечтать о такой роскоши?* Мы собрались у камина, и я почувствовал запах такой экзотики, как мыло и шампунь.

— Ешьте медленно, — сказал десантник. — Желудки должны привыкнуть.

Первый же кусок еды во рту вызвал настоящий взрыв мозга. Я обожаю всех присутствующих и был *бесконечно благодарен за то, что просто живу*. При мысли о том, что я скоро увижу своих детей, мне хотелось ходить по маленькой хижине колесом. В каком-то двойном разоблачении реальности я видел Сесе своим младшим братом, который играл с моим настоящим старшим братом, а не со мной. Это была игра на выживание с приключениями, очень похожая на те настольные игры, которые мы когда-то придумывали в детстве. Внезапно я понял, что очень скучаю по брату, *его я тоже очень любил*, и подумал, что любовь — удивительное чувство. Как будто весь смысл Вселенной был заключен в этом моменте, и впервые я был в полном, абсолютном согласии со всем.

А оладьи были такими вкусными, словно их пекли ангелы.

Перед тем как рысью вернуться к арендованной машине и навсегда сбежать от нашего жестокого надзирателя, мы задали ему несколько вопросов о сюжете *The Division*.

— Что бы вы делали, если бы застряли на Манхэттене, когда вспыхнул вирус, а мосты оказались перекрыты?

— Я никогда не езжу туда, где много людей. Люди — самые опасные существа из всех живущих. Избегай их любой ценой, — сказал он со счастливой улыбкой.

— Да ладно вам. Подыграйте нам, — сказал Сесе. — Что бы вы делали в такой ситуации?

— Хорошо, — сказал он. — Я бы спрятался в Центральном парке. Там я смог бы выживать сколько угодно.

— Интересно, — сказал я. — А что, если бы вы не смогли туда попасть?

— В таком случае я бы опечатал какой-нибудь многоквартирный дом и убедился бы, что он пуст, — сказал десантник.

— Что? Целое здание?! Зачем? — спросил Сесе, а я задумался, что он имел в виду, когда сказал «убедился бы, что дом пуст». К этому моменту я уже не сомневался, что он способен убить кого угодно и что угодно в любое время.

— Прежде всего, мне нужно чем-то поддерживать костер, чтобы согреться, и мебели хватит надолго. Но что еще более важно, каждый туалет в здании содержит несколько литров пресной воды, — сказал он.

— Пресной! — засмеялись мы.

— Это чистая вода, — спокойно сказал он и продолжил: — А потом в течение первых суток я разграбил бы все мусорные баки у близлежащих ресторанов. Я бы взял все, что могу съесть, и отнес в свое здание.

— Почему в течение первых суток? — спросил я.

— Потому что через шестьдесят часов все поймут, что в этих мусорных баках есть еда, и я не хотел бы оказаться рядом с этими отчаявшимися, наверняка вооруженными людьми. Я же говорил, что нет ничего опаснее человека. Все остальное в природе не так страшно.

Эти жизнерадостные и обнадеживающие слова еще звенели у нас в ушах, когда мы запрыгнули в машину, все еще опьяненные чистотой, едой и возможностью вернуться домой, к великолепным удобствам современного общества. Сесе включил радио, которое сразу же наполнило машину рекламой попкорна и музыкой, и мы выехали на юг. Мы вклю-

чили мобильные телефоны и смотрели, как сотни сообщений, связанных с работой, высвечиваются на экранах.

— Наконец-то свободны! — сказал Сесе и рассмеялся немного безумным смехом.

Мы чувствовали себя потрясающе, хотя у меня было такое чувство, что, возможно, мы упускаем какой-то важный философский вывод.

Пассажирское сиденье было теплым и уютным. Из окна машины я видел бесконечную вереницу черных и зеленых елей. Потихоньку они становились все дружелюбнее, привычнее, они больше не несли в себе угрозу, как всего лишь несколькими часами ранее.

Выживание.

Казалось, оно было тенью, которая следовала за мной повсюду.

Курс выживания позволил мне ненадолго выйти за пределы собственной жизни, стать кем-то другим, пережить новую историю и оказаться в новых обстоятельствах. Оказаться в гуще приключения, когда болезненные неудачи приводят к лучшему пониманию ситуации и развитию новых навыков, — оно того определенно стоило. Это было похоже на игру.

Сесе заговорил о том, как мы вернемся в офис и снова приступим к работе над Rogue, вооружившись новыми знаниями. Он что-то невнятно бормотал о «взрывах внутри взрывов». Я не слушал его. Двигатель автомобиля урчал как целая армия довольных кошек. Я находился внутри своей собственной разновидности русской матрешки и думал о закономерности *выживания внутри выживания*. Проще говоря, сама жизнь — это борьба за выживание. Борьбой за выживание были мои отчаянные попытки построить карьеру, установить отношения с другими людьми и спасти Massive от гибели. Мои доморощенные управленческие и деловые навыки развивались исключительно для того, чтобы меня не обманули в мире международных гигантов и больших денег. Вся моя жизнь как бы кричала мне: *держишься на плаву!*

Внезапно мне стало ясно: *The Division* была именно об этом — о выживании. Мой вечный спутник, *выживание*, был в центре проекта, на который мы поставили все наше будущее.